

«НЕСПОКОЙНО ЛЕЖАЩИЕ МЕРТВЕЦЫ» ИСЛАНДИИ

А.В. Саенко

Аннотация. Статья посвящена комплексному явлению draugr, «неспокойно лежащих мертвецов», в раннеисландском обществе, достаточно подробно описанному в исландских сагах. Описываются характеристики и причины возникновения драугров по данным саг, а также предположительные корни термина и изменение некоторых черт явления с течением времени. Рассматривается роль draugr в контексте раннеисландского погребального обряда, как языческого, так и христианского. Описаны охранительные черты погребальных обрядов, направленные на удержание «неспокойно лежащих мертвецов» в местах погребения — кладбищах и могилах или же в местах смерти субъектов. Выделены изначально языческие охранительные черты раннеисландского погребального ритуала, перешедшие в христианский погребальный ритуал. Кроме того, выделены и появившиеся позднее христианские сходные черты, а также не связанные прямо с религией ритуалы. Делаются выводы о взаимосвязи явления с близкими континентальными легендами. Статья опирается на актуальные данные археологических раскопок, письменные источники (исландские саги, пряди и их прозаические пересказы) и их исследования: работы Дж. Байока, Е.П. Картамышевой, Д. Зори, А. Зугьяр и других.

Ключевые слова: живые мертвецы, погребальный обряд, Исландия, язычество, христианство, двоеверие.

“RESTLESS DEAD” OF ICELAND

A.V. Sayenko

Abstract. The article is devoted to the complex phenomenon of “draugr” or “restless dead” in the early Iceland society, which is described widely in the Icelandic sagas. The characteristics and causes of the draugr appearance according to sagas are described, as well as alleged roots of the term and changes of some features over time. The phenomenon of “draugr” is considered in the context of Pagan and Christian obsequies. Protective features of the obsequies which are aimed keeping “restless dead” in the places of inhumation – cemeteries and graves or in places of human’s death are described. Primarily pagan security features of the early Icelandic funeral ritual converted then into a Christian funeral rite are highlighted. In addition, also emerging later similarities of Christian rites are highlighted, as well as those not directly related to religious rituals. Conclusions about interrelations of the phenomenon with similar continental legends are made. The article is based on sagas, archaeological researches and their interpretations by J. Bayok, E.P. Kartamysheva, A. Zugiar and others.

Keywords: alive dead, obsequies, Iceland, Paganizm, Christianity, dual-belief.

Исландия – остров в северной части Атлантического океана, заселение которого происходило в течение длительного времени с конца IX в. Благодаря ряду специфических особенностей, таких как развитая судебная система, весьма ограниченные природные ресурсы и смешанный социальный состав первопоселенцев, можно говорить о возникновении здесь весьма специфического общественного строя. Как правило, в современной историографии для описания данного строя пользуются термином «раннесредневековое государство» или «Icelandic commonwealth» (чаще всего переводится как «Исландия времен народовластия»), сочетающем в себе как ранние архаичные черты, так и поздние протогосударственные.

На стыке X и XI вв. островное общество претерпело определенные комплексные изменения, толчком к которым являлось принятие христианства на тинге 1000 г. Согласно традиционным для отечественной науки представлениям, важным индикатором этих изменений является археологический материал, в частности – погребения. Таким образом, для полноценного понимания этих изменений имеет существенное значение анализ раннеисландских погребальных практик.

Важным (и отличным от остальных скандинавских традиций) комплексным явлением, сопутствующим погребению в Исландии, являлся миф об «оживших мертвецах», известных по сагам как *draugr* или *aptrgangr*.

По дошедшим до нас через саги верованиям исландцев, умерший мог после смерти обитать в районе места своего погребения. Некоторые варианты «обитания» (как правило, в «зачарованных» холмах – таких мертвых называли «обитателями холма» или «обитателями кургана», *haugbúi/moldbúi*) были нейтральными [Картамышева, 2002, с. 96–101]. При других же, когда мертвые, именуемые *draugr*, вставали из могил и начинали «ходить после смерти» (*ganga aftr*) [Картамышева, 2002, с. 96–101], то есть бродить по округе и нарушать спокойствие живых, героям саг приходилось бороться с представителями иного мира.

Термин *draugr* довольно расплывчат и родственен, в частности, древнеирландскому *auddrach* (призрак) и индогерманскому *dreugh* («вредить», «обманывать») [Картамышева, 2008, с. 55]. Древнеисландское наиболее точное значение этого слова – «призрак с неясными очертаниями»; как правило, на русский термин переводится как «мертвец» или «призрак» [Картамышева, 2008, с. 55]. Само верование в оживающих и «ходящих после смерти» мертвых людей зародилось и развивалось сугубо на острове; традиция, рассказывающая о «неспокойно лежащих мертвецах», возникла на острове достаточно рано (так, согласно А.В. Циммерлингу, Сага о битве на Пустоши относится к одной из наиболее древних из записанных, датируясь началом XIII в. [Циммерлинг, 2000, с. 319–320]) и пережила Средневековье, дойдя до Нового времени уже в виде рим (как сага о Хромунде сыне Грипа) – прозаических пересказов сюжетов исландских саг.

Стоит отметить, что (по состоянию на настоящий момент), несмотря на неугасающий интерес к истории ранней Исландии, не было опубликовано ни единой статьи,

цельно описывающей погребальный обряд. Тем не менее, эта тема, прямо или косвенно, затрагивается в работах как отечественных [Гуревич, 2006; Картамышева, 2006], так и зарубежных исследователей [Байок, 2012].

Draugr, согласно сюжетам исландских саг, перед своим «возрождением» не обязательно погибал насильственной смертью, однако причины преобразования обычного покойного в «ожившего» умалчивались. Гораздо подробнее описывалась их трансформация в антропоморфное, подверженное первоначальному некротическим изменениям существо, обладающее недюжинными весом и силой, а кроме того — мистическими способностями. Впрочем, драуги нередко вступали в контакты с живыми (иногда еще до погребения) [Картамышева, 2008, с. 58], слагая перед испуганными свидетелями виси или же требуя что-то совершить — так, покойный Стюр Убийца произнес перед любопытствующей девушкой вису, чем вверг ее в безумие [Сага о битве на Пустоши, VIII]. В целом описание как модели поведения *draugr*, так и отношения к нему живых сильно разнилось от саги к саге [Картамышева, 2008, с. 60].

Важным индикатором вероятности оживления человека являлось последовательное увеличение его веса после смерти. Иногда это происходило прямо по пути к месту отпевания или погребения. Так, в «Саге о битве на Пустоши, VII–IX» тело хедвинга Стюра Убийцы по пути к построенной им церкви для похорон начинает тяжелеть после того, как сопровождающие при переходе реки и ночлеге начинают обращаться с телом как с вещью, никогда не бывшей человеком — тащить волоком, сушить у камина.

При этом животные начинали беспокоиться и неистовствовать рядом с телом. Характерно, что, как правило, реагировали на будущего *draugr* священные для исландского язычества лошади и собаки. Ожив, покойник увеличивался в размерах и менялся в цвете — на черный или синий, при этом нередко сравнивался с владычицей царства мертвых Хель [Картамышева, 2008, с. 59]. При этом цвет указывает на мистичность, потусторонность существа, некогда бывшего живым человеком. Иногда в сагах встречается сюжет восстановления из мертвых не в антропоморфных формах, а в животных, как правило — в образе коровы или тюленя.

В сагах никогда не говорится о *draugr* как о мертвце: он называется «неспокойно лежащим», «Гламом (имя героя), которому не лежит в могиле» [Сага о Греттире, XXXII, XXXIII], «встававшим из могилы» [Сага о людях с Лососьей Долины, XVII] и так далее. Герои, побеждавшие драуга, именно убивали его [Сага о Греттире, XXXV]; при этом не говорилось, что они убивали человека: они убивали того, кто когда-то был человеком и до сих пор носил его имя. Само понятие *draugr*, имея довольно много свойств, никак не было связано с человеком. Таким образом, проводилась четкая дифференциация: несмотря на то, что существо было похоже на человека, а иногда даже говорило и хотя бы даже упоминалось как человек, *тадр*, — всячески подчеркивались и вторичные внешние признаки, позволявшие говорить о нем как о мистическом существе, в которое этот умерший человек переродился [Картамышева, 2008, с. 57].

Впоследствии содержание понятия смешалось с понятием *haugbúi*, «обитатель кургана» — уже в «Саге о Хромунде сыне Грипа», датированной Стеблин-Каменским не раньше XIII в., типичный «обитатель кургана» поименован как *draugr* [Сага о Хромунде сыне Грипа, III–IV] и имеет описание как несомненно антропоморфного существа с потусторонними изменениями (скрюченные руки и длинные когти). Характерно, что Хромунд расправляется с ним одним из способов, с помощью которых в сагах справлялись исландцы с ожившими покойниками — отрубив голову.

Верования о *draugr* дожили до времен классического Средневековья, смешиваясь с христианскими представлениями. Так, известная по рукописи XIV в. «Прядь о Торстейне Морозе» повествует об исландце Торстейне, при дворе Олава Трюггвасона повстречавшего ночью черта. При этом черт, прогнанный колокольным звоном, имеет множество характерных наименований, и имя «*Draug*» встречается среди них пять раз (в форме *draugr*), а себя черт характеризует как Торкеля Тощего, погибшего в VIII в. легендарного конунга [О Торстейне Морозе].

Борьба с «оживанием» мертвых занимала в погребальном обряде весьма важную роль, начинаясь сразу после смерти человека. В реалиях раннесредневековой Исландии стоит отметить различия между языческими похоронами и христианскими. Ключевыми деталями погребального обряда являются как непосредственно обряд погребения, так и сопутствующие ритуалы, а также — постпогребальные обряды.

Письменные источники не указывают на некий обязательный и фиксированный временной отрезок, отделяющий смерть человека от его погребения. Однако именно в это время покойного переодевали в лучшую из доступных одежду и обрезали ногти. Последнее действие описывает исландский писатель Снорри Стурлсон, указывая в качестве его причины деталь мифа о конце времен (Рагнарёке) — корабле, созданном из ногтей мертвых (Нагльфар), вмещавшим армию Хель [Гербер, 2012]. После этого тело заворачивали в полотно. В этой части отсутствуют различия между языческим и христианским обрядом (за исключением небольшой тризны в языческом варианте или отпевания — в христианском).

Далее тело клали в гроб (если умерший был христианином) или в миниатюрную лодку (если был язычником). Стоит отметить, что для некоторых исландских христианских погребений, в частности кладбища хутора Хрисбрю, характерно наличие лодочек вместо гробов [Vuosk et al, 2005, p. 215] — несомненно языческого признака. Ориентацию могил христиан можно характеризовать однозначно (лицом на восток, с нюансами, о которых будет сказано ниже), язычники, как правило, ногами на запад [Zugaia, 2012, p. 11–15], но при этом — обязательно ногами от фермы. Уже в христианские времена появились небольшие хуторские кладбища. В отличие от континентальных скандинавских погребений [Лебедев, 1974; Петрухин, 1976] и даже островных оркнейских [Барнс, 2012], раннеисландский посмертный инвентарь довольно беден. Как правило, он включал в себя обереги и иные мелкие вещи, принадлежащие умершему. Практика положения в гроб/лодку меча и иных воинских атрибутов в Исландии не прижилась.

Нередко на грудь умершему помещался большой тяжелый камень, иногда проламывавший грудную клетку (что было призвано помешать покойнику встать в случае оживления), после чего могильная яма засыпалась грунтом, а сверху насыпалась объемная каменистая насыпь — каэрн, по сагам известный как *kumbldys*, «отмеченный *dys*», маленькая пирамидка из камней [Cleasby R., Gudbrand, 1957, p. 358]. Насыпь, наряду с вышеупомянутым камнем, по некоторым предположениям, являлась одной из преград для оживших мертвецов. При погребениях язычника в жертву приносились животные — лошади и собаки [Байок, 2012, с. 448–449; Вуок, Zori, 2012, p. 7; Гуревич, 2006].

Кроме телоположения, в Исландии присутствовала кремация тел. На данный момент достоверно известен всего один кремационный холм (Хулдухьолл в Хрисбрю) [Vuock et al, 2005], однако он хорошо изучен в рамках исследований 1995–2012 гг., что позволяет реконструировать ритуал кремации. Для обряда использовался обособленно стоящий высокий холм. На его вершине выстилалась гравийная подушка, на которую помещали тела умершего и жертвенных животных вместе с хворостом и дровами [Vuock, Zori, 2012, p. 7]. Подошва холма была огорожена крупными плоскими камнями. Вероятно, гравий препятствовал разлету золы и пепла по местности, а также визуально выделял вершину холма [Vuock, Zori, 2012, p. 5, 17, 21]. Верхняя граница крайних телосожжений довольно расплывчата, на данный момент она локализована в пределах 970–1020 гг. [Vuock et al, 2005, p. 216].

Стоит, однако, отметить, что степень распространения обряда кремации на острове является крайне неопределенной, в частности — из-за недостатка имеющегося материала. Тем не менее, принимая во внимание логическую цельность и завершенность памятника в Хрисбрю, можно предположить, что кремация была как минимум умеренно распространена на территории Исландии.

Кремация являлась одним из известнейших погребальных ритуалов, широко распространенных по миру. Изначально будучи сакральным путем проведения погребального ритуала, впоследствии кремация превратилась в еще один уровень защиты от «оживших мертвецов» — сожженные до золы тела не могли ожить и навредить живым, особенно если пепел топили или закапывали в глухом месте [Картамышева, 2008, с. 60; Петрухин, 1976].

В некоторых случаях строилась очень высокая стена, которая должна была препятствовать *draugr* [Сага о людях с Песчаного Берега, XXXIV]. Иногда могилы устраивались в глухом месте, в которое не заходили ни люди, ни животные. Кроме того, умерших старались хоронить ногами от дома или фермы, чтобы они, ожив, шли от жилища, а не к нему. Стоит отметить, что для могил яркого комплексного христианского кладбища в хуторе Хрисбрю характерна вполне «языческая» защитная ориентация могил: ногами на восток и мимо «длинного дома» [Саенко, 2015, с. 147]. Затем на грудь помещался большой и тяжелый камень, придавливавший тело [Картамышева, 2008, с. 58], а поверх земли насыпался каменистый каэрн, который также играл защитную роль [Картамышева, 2002, с. 96–101]. Распространенным являлся и обряд вбивания мертвецу деревянного кола в грудь, именуемого *helskor*, «ногой Хель»

[Картамышева, 2008, с. 58]. Нередко жившие на хуторах люди полагались только на свою силу и отвагу в попытках «упокоить» draugr. Ярким примером подобного сюжета является «Сага о Греттире», в которой главный герой в борьбе с пастухом Гламом, превратившимся в друга и терроризировавшим округу, едва не погибает сам и сильно повреждает дом, но в итоге убивает противника [Сага о Греттире, XXXV].

Сохранившиеся данные позволяют сказать с уверенностью, что в христианское время эти представления сохранились, но способы защиты несколько трансформировались. Так, защита «ориентацией телоположения» и каэрном сохранилась, о чем с уверенностью можно сказать по результатам ряда археологических находок [Вуокс, Zori, 2013, p. 126, 129–131].

Таким образом, можно сделать несколько выводов. Во-первых, сам сюжет «оживающего мертвеца» следует признать локальным, созданным в Исландии, хотя действие саг, в которых фигурируют драуги, происходят и в континентальной Скандинавии [Сага о Хромунде сыне Грива]. Во-вторых, раннеисландский погребальный обряд включал в себя множество элементов, призванных обезопасить живых людей: физическое уничтожение тела, ориентирование могилы от жилья и навалка каменной насыпи над ней и так далее. В-третьих, языческое телосожжение с возможным развеиванием или утоплением пепла с христианизацией острова было вытеснено христианским обычаем отпевания, однако в целом христианские ритуалы лишь дополняли языческие. Так, в саге о Греттире главный герой не решается послать за священником после битвы с draugr, а вместе с хозяином хутора расчленяет тело и сжигает его на погребальном костре до пепла [Сага о Греттире, XXXV]. И наконец, базировавшийся на архаических верованиях мотив оказался необычайно стойким – некоторые саги, включавшие в себя сюжет с «ожившими мертвецами», являются достаточно поздними – так, *Grettis saga* датировалась Стеблин-Каменским XIV столетием [Стеблин-Каменский, 1976], а впоследствии сюжет смешался с другими похожими темами, в частности – с сюжетом об «обитателе кургана».

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

- Арбман Х. Викинги / Пер. с англ. яз. Н.В. Ереминой. СПб.: Евразия, 2003. 320 с.
- Байок Дж.Л. Исландия эпохи викингов / Пер. с англ., фр. и др.-исл. яз. И. Свердлова. М.: Астрель: Corrus, 2012. 912 с.
- Гербер Х. Мифы Северной Европы. М.: Центрполиграф, 2012. 346 с.
- Гуревич А.Я. Язычество христиан или христианство язычников // Гуревич А.Я. *Избранные труды. Крестьянство средневековой Норвегии*. СПб.: Из-во СПбГУ, 2006. С. 109–115.
- Картамышева Е.П. «У дверей мертвых»: к реконструкции культовой практики // *Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его текст. XV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2003. С. 109–115.

Картамышева Е.П. К вопросу о связи альвов с представлениями об умерших предках в дохристианской скандинавской культуре // *Мозаика. Фрагменты шведской культуры*. М.: Из-во РГГУ, 2006. С. 41–48.

Картамышева Е.П. О некоторых особенностях древнескандинавского потустороннего пространства // *Восточная Европа в древности и средневековье. Восприятие, моделирование и описание пространства в античной и средневековой литературе. XVIII чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто*. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2006. С. 87–92.

Картамышева Е.П. Почитание предков в древнескандинавской дохристианской культуре. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 24 с.

Картамышева Е.П. «Неблагополучные» умершие в славянской и скандинавской традициях: «заложные» покойники и «оживающие мертвецы» // *Славяноведение*. 2008. № 2. С. 55–61.

Картамышева Е.П. Между жизнью и смертью: к вопросу о структуре загробного мира у древних скандинавов // *Восточная Европа в древности и средневековье. XIV чтения памяти чл.-корр. АН СССР В.Т. Пашуто*. Москва, 17–19 апреля 2002 г. Материалы конференции. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2002. С. 96–101.

Лебедев Г.С. Шведские погребения в ладье VII–XI веков // *Скандинавский сборник*. Вып. XIX. Таллин: Ээсти Раамат, 1974. С. 155–187.

Младшая Эдда / Пер. О.А. Смирницкой. Под ред. М.И. Стеблин-Каменского. Л.: Наука, 1970. 140 с.

Петрухин В.Я. Погребения знати эпохи викингов // *Скандинавский сборник*. Вып. XXI. Таллин: Ээсти Раамат, 1976. С. 153–171.

Прядь о Торстейне Морозе // *Исландские саги* / Пер. с др.-исл. М.И. Стеблин-Каменского. Т. 2. М.: Наука, 1976.

Сага о Греттире / Пер. с др.-исл. О.А. Смирницкой. Новосибирск: Наука, 1976. 176 с.

Сага о людях с Лососьей Долины // *Исландские саги* / Пер. с др.-исл. В.Г. Адмони, Т.И. Сильман; пер. стихов А.И. Корсуна. Т. I. СПб.: Летний сад, 1999.

Сага о Битве на Пустоши / Пер. А.В. Циммерлинга // *Исландские саги*. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 44–110.

Сага о людях с Песчаного Берега // *Исландские саги* / Пер. А.В. Циммерлинга, С.Ю. Агишева. Т. II. М.: Языки русской культуры, 2002.

Сага о Хромунде сыне Грипа / Пер. Т. Ермолаева. URL: <http://norse.ulver.com/src/forn/hromund/ru.html> (дата обращения – 2 июня 2018 г.).

Саенко А.В. Раскопки христианской церкви X–XI вв. в хуторе Хрисбрю // *VIII МАКСИА «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2013. С. 254–259.

Саенко А.В. Эволюция раннеисландского погребального обряда: к постановке проблемы // *IX МАКСИА «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2014. С. 103–108.

- Саенко А.В. Эволюция раннеисландского погребального обряда в контексте проблемы «живых мертвецов» // *X Всероссийская международная археологическая конференция «Проблемы археологии Восточной Европы»*. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2015. С. 145–149.
- Стеблин-Каменский М.И. «Саги об исландцах» и «Сага о Греттире» // *Сага о Греттире*. Новосибирск: Наука, 1976. С. 149–161.
- Циммерлинг А.В. Сага о битве на Пустоши // *Исландские саги*. Т. I. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 317–331.
- Arbman H. *Birka. I Die Gräber*. Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien. Uppsala, 1940. 560 s.
- Barnes J. *The pagan Norse graves of Orkney: traditions transferred from homelands to colony?* / The University of Glasgow, 2012.
- Byock J., Walker Ph., Erlandson J. etc. A Viking Age farm, church, and cemetery at Hrísrú, Mosfell Valley, Iceland, in *Medieval Archaeology*. The Society for Medieval Archaeology. Vol. XLIX. 2005. Pp. 195–218.
- Byock J., Zori D. *The Mosfell Archaeological Project report of Hulduholl Cremation Grave Excavation* / UCLA, 2012.
- Byock J., Zori D. Viking Archaeology, Sagas and Interdisciplinary Research in Iceland's Mosfell Valley, in *Backdirt. The Annual Review of Cotsen Institute of Archaeology* / UCLA, 2013.
- Cleasby R., Vigfusson G. *An Icelandic-English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1957. 833 p.
- Gudmundsdottir L. *Wood identifications on wood remains from various buildings from the archaeological investigation at Hrísrú*, 2013.
- Richards J.D. etc. Excavations at the viking barrow cemetery at Heath Wood, Derbyshire, in *The Antiquaries Journal*. 84. 2004. Pp. 23–116.
- Zugaiar A. *The orientation of pagan graves in Iceland* / Faculty of History and Philosophy, Háskóli Íslands, 2012.

REFERENCES

- Arbman H. *Vikingi* [Vikings]. Sankt-Peterburg: Evrazija Publ., 2003. 320 p. (in Russian).
- Byock J.L. *Islandija epohi vikingov* [Medieval Island]. Moscow: Astrel' Publ., 2012. 912 p. (in Russian).
- Cimmerling A.V. Сага о битве на Пустоши [Heiðarvíga saga], in *Islandskie sagi*. Moscow: Jazyki russkoj kul'tury Publ., 2000. Vol. 1. Pp. 317–331 (in Russian).
- Gerber H. *Mify Severnoj Evropy* [Myths of Northern Europe]. Moscow: Centrpoligraf Publ., 2012. 346 p. (in Russian).

Gurevich A. Ja. Jazychestvo hristian ili hristianstvo jazychnikov [Paganism of Christian or Christianity of pagans], in *Gurevich A. Ja. Izbrannye trudy. Krest'janstvo srednevekovoj Norvegii*. Sankt-Peterburg: SPbGU Publ., 2006. Pp. 109–115 (in Russian).

Kartamysheva E. P. "U dverej mertvyh": k rekonstrukcii kul'tovoj praktiki ["At the doors of dead": to reconstruction of religious practice], in *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Avtor i ego tekst. XV chtenija pamjati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto*. Moscow: IVIRAN Publ., 2003. Pp. 109–115 (in Russian).

Kartamysheva E. P. K voprosu o svjazi al'vov s predstavlenijami ob umersihh predkah v dohristianskoj skandinavskoj kul'ture [To the question of relations between alves and representations about dead ancestors in pre-Christian Norse Culture], in *Mozaika. Fragmenty shvedskoj kul'tury*. Moscow: RGGU Publ., 2006. Pp. 41–48 (in Russian).

Kartamysheva E. P. O nekotoryh osobennostjah drevneskandinavskogo potustoronnego prostranstva [About some features of Norse other world], in *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. Vosprijatie, modelirovanie i opisanie prostranstva v antichnoj i srednevekovoj literature. XVIII chtenija pamjati chl.-korr. AN SSSR V.T. Pashuto*. Moscow: RGGU Publ., 2006. Pp. 87–92 (in Russian).

Kartamysheva E. P. *Pochitanie predkov v drevneskandinavskoj dohristianskoj kul'ture*. [Veneration of ancestors in Old Norde pre-Christian culture] Avtoref. diss. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2006. 24 p. (in Russian).

Kartamysheva E. P. "Neblagopoluchnye" umershie v slavjanskoj i skandinavskoj tradicijah: "zalozhnye" pokojniki i "ozhivajushhie mertvecy" [Dysfunctional dead in Slavic and Norse traditons: "encumbrance deceased" and "resurgent corpses"], in *Slavjanovedenie*. 2008. № 2. Pp. 55–61 (in Russian).

Kartamysheva E. P. Mezhdzhu zhizn'ju i smert'ju: k voprosu o strukture zagrobnogo mira u drevnih skandinavov. [Between life and death: to the question the ancient Scandinavians afterworld's structure], in *Vostochnaja Evropa v drevnosti i srednevekov'e. XIV Chtenija pamjati chlena-korrespondenta AN SSSR Vladimira Terent'evicha Pashuto. Moskva, 17–19 aprelya 2002 g.* [Eastern Europe in the Ancient times and Medieval. XIV Reading in memorian of corresponding member V.T. Pashuto. Moscow, 2002]. Moscow, 2002. Pp. 96–101 (in Russian).

Lebedev G. S. Shvedskie pogrebenija v lad'e VII–XI vekov [Swedish tombs in the shallop], in *Skandinavskij sbornik. Vol. XIX*. Tallin: Jejesti Raamat Publ., 1974. Pp. 155–187 (in Russian).

Mladshaja Edda [Snorri Edda] / Tr. by O. A. Smirnickaja. Leningrad: Nauka Publ., 1970. 140 p. (in Russian).

Petruhin V. Ja. Pogrebenija znati jepohi vikingov [Viking Age tombs of the nobility], in *Skandinavskij sbornik. Vol. XXI*. Tallin: Jejesti Raamat Publ., 1976. Pp. 153–171 (in Russian).

Prijad' o Torstejne Moroze [Þorsteins þáttur skelks], in *Islandskie sagi. Vol. 2* / Tr. by M. I. Steblin-Kamenskij. Moscow: Nauka Publ., 1976 (in Russian).

- Saga o Grettire* [Grettirs Saga] / Tr. by M.I. Steblin-Kamenskij. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976. 176 p. (in Russian).
- Saga o ljudjah s Losos'ej Doliny [Laxdæla saga], in *Islandskie sagi*. Vol. 1 / Tr. by V.G. Admoni, T.I. Sil'man, lyric tr. by A.I. Korsun. Sankt-Peterburg: Letnij Sad Publ., 1999 (in Russian).
- Saga o ljudjah s Peschanogo Berega [The Saga of the People of Eyri], in *Islandskie sagi*. Vol. 2 / Tr. by Cimmerling A.V., Agishev S.Ju. Moscow: Jazyki Russkoj Kul'tury Publ., 2004 (in Russian).
- Saga o bitve na Pustoshi [Heiðarvíga saga], in *Islandskie sagi*. Vol. 1 / Tr. by A.V. Cimmerling. Moscow: Jazyki Russkoj Kul'tury Publ., 2000 (in Russian).
- Saga o Hromunde syne Gripa* [The Saga of Hromund Gripsson] / Tr. by T. Ermolaev. Available at: <http://norse.ulver.com/src/forn/hromund/ru.html> (accessed 2 June 2018).
- Saenko A.V. Raskopki hristianskoj cerkvi X–XI v. v hutore Hrisbrju [Excavation of Christian Church dated X–XI centuries in Hrisbru], in *VIII MAKSiA "Problemy arheologii Vostochnoj Evropy"* [Problems of Eastern Europe Archaeology]. Rostov-na-Donu: SFedU Publ., 2013. Pp. 254–259 (in Russian).
- Saenko A.V. Jevoljucija ranneislandskogo pogrebal'nogo obrjada: k postanovke problemy [Evolution of early-Islandic obsequies: to the formulation of the problem], in *IX MAKSiA "Problemy arheologii Vostochnoj Evropy"* [Problems of Eastern Europe Archaeology]. Rostov-na-Donu: SFedU Publ., 2004. Pp. 103–108 (in Russian).
- Saenko A.V. Jevoljucija ranneislandskogo pogrebal'nogo obrjada v kontekste problemy "zhivyh mertvecov" [Evolution of early-Islandic obsequies in the context of "living dead" problem], in *X Vserossijskaja mezhdunarodnaja arheologičeskaja konferencija "Problemy arheologii Vostochnoj Evropy"*. Rostov-na-Donu: SFedU Publ., 2015. Pp. 145–149 (in Russian).
- Steblyn-Kamenskij M.I. "Sagi ob islandcah" i "Saga o Grettire" [Islanders Saga and Grettirs Saga], in *Saga o Grettire* [Grettirs Saga]. Novosibirsk: Nauka Publ., 1976. Pp. 149–161 (in Russian).
- Arbman H. *Birka. I Die Gräber*. Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien. Uppsala, 1940. 560 s.
- Barnes J. *The pagan Norse graves of Orkney: traditions transferred from homelands to colony?* / The University of Glasgow, 2012.
- Byock J., Walker Ph., Erlandson J. etc. A Viking Age farm, church, and cemetery at Hrisbrú, Mosfell Valley, Iceland, in *Medieval Archaeology. The Society for Medieval Archaeology*. Vol. XLIX. 2005. Pp. 195–218.
- Byock J., Zori D. *The Mosfell Archaeological Project report of Hulduholl Cremation Grave Excavation* / UCLA, 2012.
- Byock J., Zori D. Viking Archaeology, Sagas and Interdisciplinary Research in Iceland's Mosfell Valley, in *Backdirt. The Annual Review of Cotsen Institute of Archaeology* / UCLA, 2013.

Cleasby R., Vigfusson G. *An Icelandic-English dictionary*. Oxford: Clarendon Press, 1957. 833 p.

Gudmundsdottir L. *Wood identifications on wood remains from various buildings from the archaeological investigation at Hrísrú*, 2013.

Richards J.D. etc. Excavations at the viking barrow cemetery at Heath Wood, Derbyshire, in *The Antiquaries Journal*. 84. 2004. Pp. 23–116.

Zugaiair A. *The orientation of pagan graves in Iceland* / Faculty of History and Philosophy, Háskóli Íslands, 2012.